

РАЗДЕЛ I. РОДНОЙ ЯЗЫК КАК ФАКТОР ЛИЧНОСТНОГО СТАНОВЛЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ САМОБЫТНОСТИ

УДК 811.163.1

И.В. Грибанова

Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в Севастополе
Irina_v_gribanova@mail.ru

«Ваятели славянской души»: святые Кирилл и Мефодий в борьбе за право родного языка быть проводником духовной культуры

Ключевые слова: агиография, триязычие, родной язык, церковнославянский язык, диглоссия.

В статье рассматривается значение духовного подвига «солунских братьев» для славянского просвещения. Материалы корпуса Кирилло-Мефодиевской агиографии дают возможность судить о сути борьбы славянских первоучителей с «триязычной ересью».

Рассматривая проблемы родного языка, мы не можем не обратиться к истокам понимания значимости его для постижения высших духовных смыслов. История славянского просвещения начинается со второй половины IX в., и запечатлена начальная история приобщения славян к христианской цивилизации в агиографии Кирилло-Мефодиевского цикла. Это прежде всего пространные и проложные жития в разных редакциях [1, с. 70–104]. «Солунские братья Кирилл и Мефодий» причислены к лику равноапостольных святых, поскольку «святые равноапостольные в той же мере, что и апостолы, исполнены благодатью Святого Духа, которая, с одной стороны, наделяет их дарами Духа Святого, апостольским совершенством, а с другой стороны – накладывает апостольское обязательство по распространению и утверждению христианской веры среди стран и народов» [1, с. 141–142].

Особое место в житийном повествовании занимает полемика св. Константина (Кирилла) с «триязычниками». Известно, что в IX в. в римской церкви непреложным считался догмат «триязычия», основания которому были положены в VII в. «Этимологиями» Исидора Сельвинского, обращавшегося к евангельскому факту надписи на кресте на трёх языках – древнееврейском, греческом и латинском: «Сей есть Царь иудейский» (Лук 23: 38) [4]. Византийская церковь, однако, не только не разделяла «триязычных» установлений в литургии, но известно, что при патриархе Фотии «триязычие» было признано ересью.

Византийцы Константин Философ (Кирилл) и Мефодий, оказавшись в исключительно сложной ситуации острейшей идеологической борьбы с немецким епископатом в Великой Моравии, отстаивали собственно саму возможность приобщения славянских народов к христианству, используя родной язык. Как свидетельствует «Житие и жизнь, и подвиги, иже во святых отца нашего Константина Философа, первого наставника и учителя славянского народа» (в дальнейшем ЖК), наиболее развёрнуто позиция славянского просветителя изложена в эпизоде богословского диспута с латинскими священниками в Венеции, предположительно проходящего в 866 или 867 г. [4, с. 88–90]. Обличая «триязычников-пилатников», Константин (Кирилл) заявлял следующее: «Горе вам, книжникам, присвоившим себе ключ разумения. Сами не входите и желающих не впускаете» [4, с. 89]. Прибегая к простым и ясным образам, славянский просветитель вопрошал: «Не на всех ли равно светит солнце? Не на всех ли равно идет дождь Божий? Как же вы можете призна-

вать достойными только три языка, а все иные народы обрекаете на глухоту и слепоту!!?» [4, с. 89]. Обращаясь к известным историческим примерам в христианском мире, он замечает далее: «Скажите мне, зачем делаете Бога немощным, как если бы не мог дать (народам своего письма) или завистливым как если бы не хотел дать? Мы же знаем многие народы, что владеют искусством письма и воздают хвалу Богу каждый на своем языке. Известно, что таковы: армяне, персы, абхазы, грузины, согдийцы, готы, авары, турки, хазары, арабы, египтяне, сирийцы и иные многие» [4, с. 89].

Приводя доводы, разбивающие ересь «триязычия», Константин поистине следует за апостолами, прибегая к аргументации «апостола языков» Павла из «Первого послания коринфянам»: «Пусть говорящий на языке молится о понимании... Вот почему, братья, помогите прорицанию и не запрещайте говорить на различных языках». В споре с «пилатниками» для Константина (Кирилла) важны были и такие рассуждения апостола Павла: «Теперь, если я приду к вам, братия, и стану говорить на незнакомых языках, то какую принесу вам пользу, когда не изъяснюсь вам или откровением, или познанием, или пророчеством, или учением?» (4 Кор. 14: 6) [4, с. 90]. Особенно значимы такие слова: «Благодарю Бога моего: я более всех вас говорю языками; но в церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтоб и других наставить, нежели тьму слов на незнакомом языке» (1 Кор. 14: 18, 19) [4, с. 90].

Для осознания духовного подвига святых братьев Мефодия и Кирилла уместно обратиться к фактам обучения славян-неофитов первому славянскому литературному языку. Житийные тексты и иные источники сохранили всего несколько имён учеников славянских Первоучителей: Климент, Наум, Горазд, Савва, Ангелярий, Константин, Лаврентий. Разнятся указания на количество учеников в Великой Моравии и Паннонии. В XV главе ЖК указано, что князь Великой Моравии Ростислав принял Константина Философа с великой честью «и, учеников собрав, отдал их (ему) учить» [4, с. 87]. И в том же повествовании указывается на 50 учеников, которых предоставил в распоряжение Константина паннонский князь Коцел. Обладая, выражаясь словами И.И. Малышевского, «благодатным правом учительства», Константин и Мефодий, вероятнее всего, разработали свою систему и методы обучения, поскольку в весьма короткий срок смогли не просто обучить письму, чтению, навыкам перевода, церковным службам своих многочисленных учеников, но и подготовить самых способных и трудолюбивых из них к продолжению многогранной переводческой, миссионерской, священнической и богословской деятельности. Одним из примеров мнемонических приемов, использованных, вероятнее всего, именно Константином, можно считать связный ритмизованный текст, состоящий из названий букв славянской азбуки. А вот ученики Первоучителей сочиняли азбучные акrostихи, которые также могли облегчить запоминание азбуки. Моравские и паннонские славяне первыми из славянских народов восприняли церковнославянский язык как язык христианского культа и культуры, но в то же время язык понятный, не осознаваемый, вероятно, как абсолютно чужой, иной: «И рады были славяне, что услышали они о величии Божиим на своем языке». Кроме того, следует заметить, что обучение на языке, осознаваемым родным, не требует чрезмерных усилий. Этот язык стал языком начального образования, «воротами учёности».

С конца IX в. просветительская деятельность учеников Кирилла и Мефодия распространилась на другие славянские земли. Самым значительным центром славянской учёности стала Болгария, где Наум, Климент, Константин основали книжные школы. Значительный корпус текстов на церковнославянском языке был создан в Преславской и Охридской книжных школах. Среди этих книг выделяются многочисленные четьи кодексы, «Учительное Евангелие» и «Азбучная молитва» Константина Преславского, т. е. непосредственно такого рода литература, которая необходима была при обучении и для келейного и домашнего чтения.

Утверждение начального образования, широкое обучение грамоте в христианской Руси осуществилось в течение относительно небольшого времени, в том числе и благодаря

понятности литературного (церковнославянского) языка, восприятия его в условиях диглоссии в единой системе разных языковых регистров (наряду с обыденными формами родного языка). Функции языков (культурного церковнославянского и обыденного русского) находились в отношениях комплиментарности. Как отмечал Б.А. Успенский, «в языковом сознании при диглоссии книжный и некнижный языки воспринимаются как один язык – книжный язык выступает в этих условиях как кодифицированная и нормированная разновидность языка»[5, с. 25].

Если первоначально, непосредственно сразу после Крещения Руси, образование охватывало, как это отмечают исследователи, элитарную часть общества («нарочитую чадь»), то позднее происходит очень широкое распространение грамотности. Это доказывает, например, огромным массивом найденных берестяных грамот. Известно, что Ярослав Мудрый способствовал открытию школы в Новгороде, где дети духовных лиц обучались чтению, письму, счету и основам христианской веры. Из монастырских училищ вышло немало людей широкой образованности, осведомленных не только в богословии, но и в истории, философии, грамматике и риторике. С XII в. исключительно расширяется социальный состав грамотных людей, причем, образование распространялось и на женщин, о чем многократно писал А.А. Зализняк. Такого рода явление, несомненно, связано с тем, что церковнославянский язык не воспринимался как язык чуждый, а как культурная форма родного языка. В «Повести временных лет» замечается: «славянский язык и русский один есть». Среди многочисленных молитв «перед началом обучения» отрока есть и такая: «Дай же ему, Господи, от Давидова разума, от Соломони премудрости, и от Кириллова хитрости». Кирилло-Мефодиевское наследие не просто было воспринято и сохранено в славянских православных странах, но и многократно приумножено. Церковнославянский язык стал проводником духовной культуры, сформировавшей национальную самобытность славянских народов мира *Slavia Orthodoxa*.

Литература

1. Логвинов, В.Ф. Святые, именуемые равноапостольными: Краткий исторический обзор распространения и утверждения христианской веры / В.Ф. Логвинов. – М.: Либроком, 2013. – 144 с.
2. Мальшевский, И.И. Кирилл и Мефодий первоучители и просветители славянские. – М.: Олма Медиа Групп, 2014.
3. Отрывки из «Этимологии» // Агрикультура в памятниках западного средневековья: переводы и комментарии. Front Cover. Ольга Антоновна Доби́аш-Рождественская, М.И. Бурский. – М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. – С. 1–40.
4. Сказания о начале славянской письменности. Отв. ред.: д-р ист. наук В.Д. Корольок. – М.: Наука, 1988. – 200 с.
5. Успенский, Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.) / Б.А. Успенский. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 558 с.

I.V. Griбанова

M. Lomonosov Moscow state University, Sebastopol branch

e-mail: Irina_v_gribanova@mail.ru

“Artists of the Slavic Spirit”: Saint Cyril and Saint Methodius in the struggle for the right of the mother tongue to be a conductor of the spiritual culture

Key words: hagiography, trilingualism, mother language, Church Slavonic language, diglossia.

In the given article the significance of spiritual achievement of “Brothers from Thessaloniki” for the Slavonic Enlightenment is described. Materials provided by the Cyril and Methodius Corpus of Hagiography permit form an opinion on the key point of the struggle of the first Slavonic educators with “trilingual heresy”.